

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ КАТЕГОРИИ К ФЕНОМЕНУ

УДК 008 : 316.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-32-39>

Н. У. Ярычев

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика

e-mail: nasrudiny@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена осмыслению феномена мемориальной культуры в нескольких ракурсах. Во-первых, в терминологическом ракурсе, позволяющем ограничить смысловое поле употребления термина «мемориальная культура». Это представляется достаточно важным, поскольку в настоящее время и в российской, и в зарубежной исследовательской практике понятие мемориальной культуры используется либо без четкого определения его содержания, либо подменяется близкими, но не синонимичными понятиями (политика памяти, историческая политика, культура памяти и пр.). Второй ракурс, содержательный, связан с раскрытием сущностных черт мемориальной культуры, к которым мы отнесли: ретроспективность, публичность, синтетичность, медиативность, воспроизводимость, ритуализированность, презентативность, процессуальность.

Ключевые слова: прошлое, память, культурная память, мемориальная культура, культура памяти, политика памяти.

Для цитирования: Ярычев Н.У. Мемориальная культура: от категории к феномену // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 32-39. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-32-39>

MEMORIAL CULTURE: FROM CATEGORY TO PHENOMENON

Nasrudi U. Yarychев

Chechen State University named after A. A. Kadyrova, Grozny, Chechen Republic

e-mail: nasrudiny@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the conceptualisation of the phenomenon of memorial culture from several perspectives. Firstly, it is terminological, which makes it possible to limit the semantic field of the term “memorial culture”. This seems to be quite important, because at present in both Russian and foreign research practice, the concept of memorial culture is used either without a clear definition of its content, or is substituted by close, but not synonymous concepts (memory policy, historical policy, culture of memory, etc.). The second, substantive angle is related to the disclosure of the essential features of remembrance culture, including retrospection, publicity, syntheticity, mediaticity, reproducibility, ritualization, presentability, and processivity.

ЯРЫЧЕВ НАСРУДИ УВАЙСОВИЧ – доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова»
YARYCHEV NASRUDI UVAYSOVICH – DSc in Pedagogy, DSc in Philosophy, professor, Vice-rector for academic affairs, A. A. Kadyrov Chechen state University

© Ярычев Н.У., 2022

Keywords: past, memory, cultural memory, memorial culture, culture of memory, politics of memory.

For citation: Yarychev N.U. Memorial culture: from category to phenomenon. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 32-39. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-32-39>

Современность отчетливо демонстрирует два сосуществующих и во многом противоречащих друг другу тренда – разнообразия и идентичности. Если стремление к разнообразию предполагает мультиплексию социокультурных форм и явлений, их связей, интеракций, столкновений, то потребность в обретении идентичности, напротив, проявляется в стремлении «отличать “своих” от “чужих”, воспроизводить аутентичный опыт бытия, минимизировать конфликты между культурно близкими социумами, группами и индивидами» [12, с. 75–76]. Мемориальную культуру, которой посвящена настоящая статья, можно назвать инструментом реализации второго из обозначенных трендов, а именно – инструментом формирования/укрепления культурной идентичности и обеспечения социальной консолидации.

Категориальные основания осмыслиения мемориальной культуры

Понятие «мемориальная культура» было введено в современный гуманитарный дискурс и содержательно определено А. Ассман в работах «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» [2] и «Новое недовольство мемориальной культурой» [3]. Более того, именно А. Ассман обосновала особый статус мемориальной культуры как самостоятельного социокультурного феномена, обладающего единством содержания и форм объективации. По ее мнению, европейская мемориальная культура начала зарождаться только в 80-е годы прошлого века в связи с появлением так называемых «самокритических коммемораций» (включение в объем понятия «мемориализация» не только акта поминования жертв внешних для государства и общества катастроф, напри-

мер, войн, землетрясений и пр., но и жертв собственных преступлений), которые привели к радикальному пересмотру ценностного и деятельностного содержания коллективных практик поминования и к валоризации памяти как таковой. Именно в 80-е годы, по мысли А. Ассман, сформировался новый *тимпоральный режим культуры*, то есть «комплекс культурных постулатов, ценностей и установок, которые, даже не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» [3, с. 15].

О формировании в конце XX столетия особой стратегии обращения с прошлым писал и Ф. Артог. Он использовал понятие режима историчности, то есть «в узком смысле, способ, с помощью которого общество трактует свое прошлое и рассуждает о нем; в широком смысле, режим историчности служит для обозначения модальности авторефлексии человеческого сообщества» [1]. Описывая старый (ориентация на прошлое), новый (ориентация на будущее), христианский (ориентация на вечность) режимы историчности, Ф. Артог упоминал также четвертый режим, характерный для нашего времени, ориентированный на настоящее (точнее, на актуализацию минувшего) и рожденный как результат рефлексии человечества по поводу общемировых потрясений недавнего прошлого: «Нет сомнения, что преступления XX века с его массовыми убийствами и чудовищной индустрией смерти – это те потрясения, от которых пошли волны памяти, в конце концов, достигшие и в сильнейшей степени поколебавшие наши современные общества. Прошлое не “прошло”, и во втором или третьем поколении к нему обратились за ответом» [1].

Й. Рюзен также связывал трансформацию современного режима историчности (в его

терминологии – исторического нарратива) с необходимостью выработки новой темпоральной парадигмы как реакции на травмирующие события новейшей истории: «... историзация представляет собой культурную стратегию преодоления разрушительных последствий травмирующего опыта» [9, с. 56].

В целом можно говорить о том, что научное европейское сообщество, так или иначе связанное с мемориальной тематикой, интерпретирует актуальность (условно – последние 30–40 лет) как время зарождения новой мемориальной парадигмы, терминологическая и смысловая конкретизация которой варьируется от исследователя к исследователю. При этом базовое понятие и фундирующее явление такой парадигмы, мемориальная культура, на теоретическом уровне проработана достаточно слабо. Даже А. Ассман, посвятившая мемориальной культуре несколько фундаментальных работ, не дала ей четкого и однозначного определения, обозначив лишь три значения, в которых понятие мемориальной культуры может использоваться:

1) как интегративное понятие, фиксирующее рост и демократизацию интереса к прошлому;

2) как процесс и результат освоения прошлого какой-либо социальной группой и формирование на этой основе коллективной идентичности, системы ценностей и форм поведения;

3) как этическое измерение освоения (изучения, интерпретации, анализа) прошлого [3].

В контексте нашего исследования под *мемориальной культурой* будет пониматься «совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах публичной и приватной коммеморативной деятельности» [3, с. 98]. В контексте нашей исследовательской логики мемориальная культура понимается не только как специально организованные, институционально подкрепленные виды мемориальных практик, но и как различные формы спонтанной коммеморации и бытовой мемориализации.

«Мемориальная культура» в системе смежных мемориальных понятий

В современной научной риторике термин «мемориальная культура», с одной стороны, используется крайне редко, а, с другой – достаточно часто заменяется близкими, но не тождественными понятиями.

Так, например, М. Л. Шуб в качестве синонима мемориальной культуры (в нашем ее толковании) использует понятие «культура памяти». Культура памяти предстает в ее исследованиях системой стратегического взаимодействия с прошлым – как на уровне его сохранения, аккумуляции, так и на уровне распространения. Структурно культура памяти очень близка к нашей интерпретации морфологии мемориальной культуры. Она интегрирует как официальные (СМИ, коммеморации, система образования и пр.), так и неофициальные, стихийные формы мемориальной активности [13, с. 57].

А. В. Святославский в своих научных текстах также довольно активно использует понятие культуры памяти, которое хоть и связано с мемориальной культурой, является в его интерпретации более общим, охватывающим явления, не имеющие непосредственного отношения к намеренному увековечиванию памяти, в том числе и феномен социального забвения. Культура памяти, полагает ученый, объединяет «как деятельность по увековечению современной мемориализатору культуры, так и реконструкцию прошлой (ушедшей) по отношению к современности культуры» [11, с. 9]. Как видно из определения, культура памяти включает в себя широкий спектр научных форм взаимодействия с прошлым – охрану наследия, реставрационные работы, музейное дело и пр.

Родственным понятию мемориальной культуры, согласно идеям А. В. Святославского, является понятие социально-культурной ностальгии, то есть «сознательного стремления индивидов и социальных групп возродить ушедшие в прошлое определенные социально-экономические, политические, культурные формы как наиболее оптимальные для данной конкретной культуры. Такая

ностальгия подпитывается определенной системой обращающихся в культуре исторических образов и представлений, вокруг которых ведется политическая борьба и борьба научных мнений – на предмет их соответствия реальностям прошлого» [11, с. 6].

Очень похожим образом понимает ностальгию в разрезе ее социального бытования С. Бойм, автор большого культурологического труда «Будущее ностальгии» [5]. Исследователь трактует ностальгию как форму борьбы с модернистским восприятием времени, гонкой индустриализации, бесконтрольным ускорением жизни, жаждой прогресса: «Ностальгическое желание уничтожить историю и превратить ее в частную или коллективную мифологию, заново вернуться в другое время, будто вновь вернуться в какое-то место, отказ сдаться в плен необратимости времени, которая неизменно привносит страдание в человеческое бытие» [6, с. 18].

Среди понятий, часто употребляемых в одном ряду с понятием мемориальной культуры, можно встретить понятия «политика прошлого», «историческая политика» и «политика памяти».

В логике немецкого историка Н. Фрая, политика прошлого понимается как «политико-моральное, правовое, экономическое и педагогическое “преодоление прошлого” средствами политики, юстиции, науки, экономики и образования» [Цит. по: 2, с. 45].

Термин «историческая политика», возникший в европейском политическом дискурсе в 80-е годы прошлого столетия, «используется для обозначения определенного типа политики, эксплуатирующей образы прошлого» [7, с. 9]. Политологи К. Леггеви и К. Майер включают в объем понятия «исторической политики» не столько непосредственно мемориальные явления, сколько политический и управленческий контекст их бытования: «Историко-политические инициативы <...> не исчерпываются инсценированием “символической политики” и мероприятиями в системе политического образования; сюда же относятся нормативные акты административ-

ного и законодательного характера, а также мобилизационные кампании, проводимые государством и организациями гражданского общества и выходящие на уровень внешней политики и политики в области национальной безопасности» [Цит. по: 2, с. 89].

А. Ассман интерпретирует историческую политику в аналогичном ключе, дополняя ее, однако, экономическими факторами, которые во многом являются определяющими при решении тех или иных мемориальных вопросов (открытие памятника, создание мемориала и пр.).

А. И. Миллер трактует историческую политику как «особую конфигурацию методов, предполагающую использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [8, с. 19].

Историческая политика представляется чрезвычайно объемным феноменом. Такая содержательная объемность и эластичность ее смысловых границ продиктована, на наш взгляд, отсутствием четких референций. В силу этого каждый исследователь вкладывает в данное понятие собственные коннотации – правовые, экономические, политические и пр. Единственное, пожалуй, что объединяет ученых, оперирующих данным термином, это понимание иерархического положения исторической политики как одного из проявлений (форм) мемориальной культуры.

О. Ю. Малинова, использующая в своих работах понятие «политика памяти», трактует ее как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования» [7, с. 9].

Обозначенные выше термины (культура памяти, политика памяти, историческая политика, политика прошлого) – все они являются яркой иллюстрацией, с одной стороны, многообразия авторских подходов к осмыслению феномена прошлого как ресурса актуальных преобразований, с другой стороны,

они демонстрируют тренд, о котором мы уже упоминали, – терминологическую полифонию мемориальных исследований. Для гуманистики такая ситуация не является эксклюзивной, но, на наш взгляд, и продуктивной ее назвать достаточно сложно. На пути осмыслиения социального явления терминологическая избыточность нередко выступает препятствием, влекущим не только подмену понятий, но и подмену смыслов. Поэтому нам представляется важным не только четкое определение категориальных оснований исследования, но и фиксация содержательных границ изучаемых мемориальных феноменов.

Сущностные параметры мемориальной культуры

К сущностным параметрам мемориальной культуры можно отнести:

- ретроспективность (содержательная ориентация на прошлое, его мемориализация и актуализация);
- публичность (открытая презентация мемориальных действий, доступность непосредственного участия и/или эмоционального соучастия аудитории);
- синтетичность (синтез социальности и персональности: возможность вовлеченности в пространство мемориальной культуры как отдельной личности, так и социальной группы; синтез официальности и приватности: включение в объем понятия «мемориальная культура» как мемориальных действий, инициированных государственными, властными, социальными институциями, так и частных мемориальных инициатив);
- медиативность (включение в мемориальную деятельность различных посредников, объективирующих ее ценностно-нормативное содержание – музеев, памятников, фильмов, ритуальных действий и пр.; в последние годы все большую значимость в качестве инструмента репрезентации контента мемориальной культуры

приобретает цифровая среда во всем многообразии форм ее стихийного и регулируемого бытования [6, с. 29]);

- воспроизведимость (устойчивый характер мемориальных представлений и действий, закрепленных в культурных ценностях, нормах, практиках, моделях поведения, транслируемых из поколения в поколение в качестве эталонных образцов);
- ритуализированность (наличие алгоритмизированной основы мемориальной деятельности и/или мемориального нарратива, правил, предписаний, установленного порядка, лежащих в их основе и подлежащих повторению);
- презентативность (связь мемориальной культуры с ценностными, идеологическими установками настоящего, выступающего призмой оценки прошлого);
- процессуальность (выраженная деятельность составляющая).

Собственно, мемориальная культура и представляет собой систему, во-первых, ценностных установок (план содержания), детерминируемых актуальным аксиологическим контекстом и детерминирующих отбор ретро-контента, необходимого для сохранения; во-вторых, – деятельности, направленной на визуализацию этих установок (план выражения). Т. Кулич сформулировал двойственность мемориальной культуры, определив в ней два смысловых уровня:

1) регулятивного (мемориальная культура как «система моделей наследования, передачи, запланированного или спонтанного забывания или подавления памяти в соответствии с интересами определенных социальных групп; в рамках идеологического использования прошлого мы говорим о «политизации памяти»» [Цит. по: 16, с. 63]);

2) идентификационного (мемориальная культура как источник общих коллективных воспоминаний, идентификационная платформа, повод для социальной интеграции и дистанцирования группы от сообществ с иной картиной прошлого).

А. В Святославский делает акцент на доминировании деятельностного (коммеморативного) компонента в структуре мемориальной культуры. Он, собственно, под мемориальной культурой понимает культуру намеренных коммемораций, то есть «культуру увековечения, в основе которой лежит социокультурная деятельность, связанная с формированием такого явления, как памятник. В ходе такой деятельности происходит обращение к образам как прошлой, так и современной действительности, которые обрамляются, пользуясь понятием Хальбвакса, в «рамки памяти» особенностями порождающего памятник конкретного культурного дискурса» [11, с. 91].

Основными формами деятельности, реализуемыми в рамках мемориальной культуры, по мнению А. В. Святославского, являются коммеморация и реконструкция. Коммеморация выступает государственной политикой по сохранению в коллективной памяти знавших событий и персон, реконструкция – инструментом воссоздания и/или реновации мемориальных объектов.

Акторами мемориальной культуры (экспертами мемориальной политики, субъектами реализации мемориальной деятельности) могут выступать, как было обозначено выше, и институции (прежде всего, государство), и общественные организации, и социальные группы, и частные лица.

М. Бернхард и Дж. Кубик разделили мемориальных акторов на несколько категорий в зависимости от выбранной ими стратегии обращения с прошлым:

«1) мнемонические борцы представляют свое видение прошлого как единственно верное и стремятся делегитимировать нарративы оппонентов, проводя границу «свой» – «чужой»;

2) мнемонические плюралисты не только принимают как факт наличие иных интерпретаций, но и признают их право на существование; они готовы вести переговоры с оппонентами;

3) мнемонические уклонисты по тем или иным причинам избегают активного участия в реинтерпретации коммеморируемого события;

4) обращенные в будущее убеждены, что разгадали загадку истории и обладают ключом к будущему; они так же агрессивны, как и «борцы», но в отличие от них действуют на основе веры в «истинность» своего знания не прошлого, а будущего» [15, с. 16].

В качестве вывода стоит отметить, что дальнейшее теоретическое (осмысление структуры, типологического разнообразия, функционального потенциала) и эмпирическое (определение специфики реального социокультурного бытования отдельных мемориальных практик) изучение мемориальной культуры представляется эвристичным направлением современных гуманитарных исследований. Именно мемориальная культура является лакмусовой бумажкой многих актуальных социальных, ценностных, нормативных трансформаций, наиболее востребованных трендов не только собственно в сфере мемориализации, но и в культурном пространстве в целом.

Список литературы

1. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html>
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой [Электронный ресурс]. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. URL: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A>
4. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 310 с.

5. Бойм С. Будущее ностальгии; пер. с англ. А. Стругача. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
6. Зубанова Л. Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Научный журнал «ДискурсПи». 2020. № 4 (41). С. 26–39.
7. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
8. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
9. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. Москва: Альфа, 2001. Вып. 7. С. 8–25.
10. Сазонникова Е. В. Мемориальная культура в конституционно-правовом аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. №2. С. 33–38.
11. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. Москва: Древлехранилище, 2013. 592 с.
12. Синецкий С. Б. Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности // Вестник культуры и искусств. 2021. № 3 (67). С. 75–84.
13. Шуб М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов: моногр.; Челябинский государственный институт культуры. Челябинск: ЧГИК, 2021. 283 с.
14. Ярычев Н. У. Феномен коммеморации в структуре мемориальной культуры // Научные школы: Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы научно-творческого форума, 18–19 ноября 2021. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 97–100.
15. Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration. Oxford: Oxford university press, 2014. 384 p.
16. Vuković D. Conflict of a memory culture in Western Balkans. Sted Journal. 2021, no № 3(1). pp. 57–68.

References

1. Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti. Untouchable Stock. 2008, no. 3 (59). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (In Russ.)
2. Assman A. The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics. Moscow, New literary review, 2018. 328 p. (In Russ)
3. Assman A. A new dissatisfaction with memorial culture. Moscow, New literary review 2016. URL: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A> (In Russ.)
4. Assman A. Has the link of time broken down? The rise and fall of Modernity's temporal regime. Moscow, New literary review, 2017. 310 p. (In Russ)
5. Boym S. The future of nostalgia. Moscow, New literary review, 2019. 680 p. (In Russ)
6. Zubanova L. B. Media-representations of memory: dominant codes of reading traumatic events in the Internet space. Scientific Journal «Discourse Pi». 2020. № 4 (41). Pp. 26–39. (In Russ).
7. Malinova O. YU. The Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Politics: Possibilities of Comparative Analysis. Politika. 2017, no 4 (87), Pp. 6–22. (In Russ.)
8. Miller A. I. Historical politics in eastern Europe in the early 21st century. Historical politics in the 21st century: A collection of articles. Moscow, New literary review, 2012. Pp. 7–32. (In Russ)
9. Ruesen J. Losing the consistency of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism and the discourse on memory). Dialogue with time: An almanac of intellectual history. Moscow, Alpha,

- 2001, Vol. 7. Pp. 8–25. (In Russ)
10. Sazonnikova E. V. Memorial culture in the constitutional-legal aspect. Vestnik of Voronezh state university. 2009, no2. Pp. 33–38. (In Russ)
  11. Svyatoslavsky A. V. Russian history in the mirror of memory. Mechanisms of historical image formation. Moscow, The treasure trove, 2013. 592 p. (In Russ.)
  12. Sinetsky S. B., Shub M. L. Cultural policy in the context of diversity and identity contradictions. Bulletin of Culture and Arts. 2021, no 3 (67), Pp. 75–84. (In Russ)
  13. Shub M. The Culture of memory in the industrial cities residents' identity structure. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture, 2021. 283 p. (In Russ)
  14. YArychev N. U. Phenomenon of commemoration in the structure of memorial culture. Scientific schools: Youth in science and culture of the XXI century: materials of scientific and creative forum, November 18–19, 2021. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture, 2021. Pp. 97–100. (In Russ.)
  15. Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration. Oxford: Oxford university press, 2014. 384 p.
  16. Vuković D. Conflict of a memory culture in Western Balkans. Sted Journal. 2021, no 3 (1). pp. 57–68.

*

Поступила в редакцию 12.06.2022